

1956

ФУНДАМЕНТАЛЬН...

В. И. СЕРГЬЕВИЧЪ

I  
С 322



# МОЙ ОТВѢТЪ Г. ПЕТРАЖИЦКОМУ.

\_\_\_\_\_

Изъ «Журнала Министерства Юстиции»  
(Февраль 1910 г.).



~~2867~~

58366 к. гр. ч. 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ  
Сенатская Типографія  
1910.

## МОЙ ОТВѢТЪ Г. ПЕТРАЖИЦКОМУ.

В. И. Сергѣевича.

Г. Петражицкій очень недоволенъ моимъ разборомъ его эмоциональной психологій. Въ ноябрьской книжкѣ этого журнала онъ напечаталъ критику на мой разборъ. Эта критика написана съ чувствомъ чрезвычайнаго раздраженія. На одной изъ первыхъ страницъ ея авторъ восклицаетъ: „Не обидно ли читать упорные упреки и язвительныя замѣчанія по поводу того, что я замыкаюсь въ предѣлахъ собственной психики и ничего иного знать не хочу, что моя теорія основана исключительно на интроспективномъ методѣ и проч.“ (Стр. 157). Научные приемы и взгляды одного ученаго могутъ быть совершенно отрицаемы другимъ, и тутъ нѣтъ никакой обиды: это исканіе истины. Безъ такой свободы сужденія нѣтъ науки. Если я что нибудь неправильно приписалъ автору, онъ можетъ это легко опровергнуть, приведя свои подлинныя слова, и я долженъ буду съ нимъ согласиться; если онъ этого сдѣлать не можетъ, онъ долженъ принять мое изложеніе за правильное. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни о какой обидѣ не можетъ быть рѣчи: все дѣло въ ошибкахъ пониманія, а не въ обидѣ лица. А ошибаться можетъ всякій, и г. Петражицкій, и я. Но г. Петражицкій не только ошибается, онъ еще и обижается, когда ему на это указываютъ. У французовъ есть поговорка: *du choc des opinions jaillit la vérité*. Мы очень отстали отъ просвѣщенныхъ народовъ Запада. Критика

мнѣній принимается у насъ за личную обиду. А вѣдь нанесеніе личной обиды есть преступленіе, караемое уголовнымъ закономъ. Вотъ въ какой охранѣ нуждается эмоціональная психологія! Какая же можетъ быть тутъ свобода научныхъ мнѣній?

## I.

Первое возраженіе г. Петражицкаго формулировано такъ: „Сообщенія проф. Сергѣевича, что я во „Введеніи“ признаю единственно годнымъ и достаточнымъ методомъ изученія психическихъ явленій, въ томъ числѣ нравственности, права и проч., методъ самонаблюденія, не допускаю изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики, считаю излишнимъ изученіе памятниковъ и т. д., не соответствующее дѣйствительности“ (154). Посмотримъ, такъ ли это.

Г. Петражицкій дѣйствительно единственнымъ приѣмомъ наблюденія правовыхъ явленій считаетъ методъ самонаблюденія. Но это не я ему приписываю, онъ говоритъ это самъ на стр. 10 „Введенія“, гдѣ курсивомъ и въ особомъ абзацѣ напечатано:

*„Отсюда слѣдуетъ, что надлежащимъ и единственно возможнымъ приѣмомъ наблюденія правовыхъ явленій слѣдуетъ признать методъ самонаблюденія, интроспекціи“.*

Кто же правъ? И это говорится не одинъ разъ. Приведенныя слова взяты мною изъ начала 2-го параграфа, озаглавленнаго: „Научный методъ изученія правовыхъ явленій“, но тѣми же словами и оканчивается этотъ параграфъ. Я приведу ихъ ниже. Это не обмолвка, это строгій логическій выводъ изъ того взгляда на правовыя явленія, который высказываетъ нашъ философъ въ самомъ началѣ приведеннаго параграфа, гдѣ читаемъ: „Правовыя явленія происходятъ и могутъ быть находимы для изученія не тамъ, гдѣ онѣ намъ вслѣдствіе своеобразнаго оптическаго обмана кажутся наличными, когда мы переживаемъ разныя правовыя сужденія, когда мы разнымъ человѣческимъ существамъ или цѣлымъ ихъ классамъ *приписываемъ* обязанности, права и т. д., а,

такъ сказать, значительно ближе, здѣсь же у насъ, въ нашемъ сознаниі, въ *сознаниі того, кто въ данную секунду переживаетъ такія мысли*; освобожденіе отъ этого оптическаго обмана относительно сферы дѣйствительнаго нахождения правовыхъ явленій и ихъ элементовъ, какъ реальныхъ феноменовъ, устраняетъ громадную область (мнимаго) нахождения и (мнимо) возможнаго изслѣдованія правовыхъ явленій и громадное количество (мнимыхъ) правовыхъ явленій и ихъ элементовъ; даже когда правовая мысль состоитъ въ приписаніи всѣмъ людямъ извѣстныхъ обязанностей и правъ по отношенію ко всѣмъ людямъ, то имѣется на лицо одинъ правовой феноменъ—въ сознаниі мыслящаго такъ, а не миллиарды миллиардовъ правовыхъ явленій и ихъ элементовъ, разсѣянныхъ по всей поверхности земли“ (8—9).

До сихъ поръ думали, что положительное право возникаетъ изъ обычаевъ, законовъ и другихъ внѣшнихъ источниковъ права,—что же касается естественнаго или философскаго права, то источники его—не сводъ законовъ и не полное ихъ собраніе, а нѣчто иное; въ разныхъ философскихъ ученіяхъ эти источники естественнаго права понимаются различно. Нашъ философъ единственнымъ источникомъ всякаго права и всякихъ обязанностей считаетъ сознаніе человѣка; всякое другое право у него—мнимое, это оптический обманъ, не болѣе. Если такъ, то, конечно, единственный методъ изученія права есть самонаблюденіе. Здѣсь авторъ совершенно логиченъ: онъ не только говоритъ, что единственный приѣмъ изученія права есть самонаблюденіе, но иначе и говорить не можетъ. А если это такъ, то о положительномъ правѣ въ теоріи г. Петражицкаго не можетъ быть никакой рѣчи; право свода законовъ и полнаго ихъ собранія не находится же въ нашемъ сознаниі, по теоріи автора это не право, говорить о немъ будетъ противорѣчіе основному его взгляду на право, и ничего болѣе.

Вотъ что сказано въ моемъ разборѣ, со словъ самого г. Петражицкаго, о его единственномъ способѣ изученія правовыхъ явленій. Приведенныхъ мною изъ его „Введенія“ выписокъ онъ не отвергаетъ, наоборотъ, онъ соглашается съ

моимъ заключеніемъ о неправильности такого приѣма и выражаетъ это въ очень рѣзкой формѣ: „разумѣется“,—говоритъ онъ,—„это методологическій абсурдъ“ (153). Въ самомъ началѣ его критики получается, такимъ образомъ, нѣчто совершенно непонятное.

Послѣ только что приведенныхъ мною словъ г. Петражицкаго о томъ, что мое „сообщеніе“ о самонаблюденіи, какъ единственномъ приѣмѣ изученія правовыхъ явленій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, онъ продолжаетъ такъ: „Въ дѣйствительности въ томъ же параграфѣ „Введенія“ (научный методъ изученія правовыхъ явленій), котораго касаются утвержденія критика, подробно изложены и развиты прямо противоположныя положенія“ (154). Что же это такое? Это признаніе въ томъ, что авторъ самъ себя противорѣчитъ.

Нельзя, не нарушая логики, въ одно и то же время и по тому же вопросу утверждать: и да, и нѣтъ; нельзя говорить, что единственный способъ изученія есть самонаблюденіе, а затѣмъ утверждать нѣчто этому прямо противоположное. Послѣ этого признанія самопротиворѣчія авторъ перечисляетъ на нѣсколькихъ страницахъ тѣ случаи, когда у него говорится „о соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія“. Что у него есть и такой методъ, я не скрывалъ отъ читателя; но, не придавая этому методу большого значенія, я воспужаю его въ двухъ словахъ. Остановлюсь на немъ теперь подробнѣе.

Вопросъ вовсе не въ томъ, на сколькихъ страницахъ говорится о соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія, а въ томъ, что такое это внѣшнее наблюденіе, какъ оно примѣняется къ праву, и что даетъ въ результатъ?

Я разберу этотъ вопросъ въ связи съ разборомъ второго упрека, сдѣланнаго мнѣ г. Петражицкимъ.

Второй упрекъ состоитъ въ томъ, что я будто бы утверждаю, что г. Петражицкій не допускаетъ изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій. Я этого не утверждаю; я утверждаю, что наблюденія психики другихъ людей не имѣютъ у него самостоятельнаго значенія, а сводятся къ самонаблюденію. Это доказывается опять подлин-

ными словами автора, приведенными мною въ моемъ разборѣ. Авторъ утверждаетъ, что наблюденіе психики другихъ людей должно провѣряться самонаблюденіемъ; если оно не подтвердится самонаблюденіемъ, то не имѣетъ значенія. Приведу для подтвержденія этого заключенія и новое мѣсто изъ „Введенія“.

„Если мы“, — говоритъ авторъ, — „путемъ надлежащихъ пріемовъ... достигли знанія психическихъ переживаній извѣстнаго рода, то этимъ мы приобрѣли средство добывать свѣдѣнія относительно явленій того же рода въ психикѣ другихъ людей; чужая психика перестаетъ для насъ въ данной области представлять абсолютно непроницаемую тайну. Дѣло въ томъ“, — продолжаетъ онъ, — „что наши внутренніе психическіе акты, напр., гнѣвъ, радость, бываютъ причинами разныхъ поддающихся внѣшнему наблюденію тѣлодвиженій... По аналогіи, наблюдая такія же дѣйствія со стороны другихъ, мы можемъ съ большею или меньшею вѣроятностью предполагать, что въ основѣ ихъ лежатъ такіе же психическіе акты“ (14).

Вотъ въ какомъ ограниченномъ размѣрѣ можемъ мы проникать въ психику другихъ людей. Чужая психика представляетъ для насъ абсолютно непроницаемую тайну. Мы можемъ проникнуть въ нее только при томъ условіи, если другой человѣкъ дѣлаетъ такія же движенія, которыми мы сами, обыкновенно, сопровождаемъ наши психическія переживанія. Что же мы такимъ способомъ узнаемъ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ мы узнаемъ только то, что другой человѣкъ способенъ переживать то же, что переживаемъ и мы. Итакъ, рѣшительно ничего новаго, это подтвержденіе нашихъ самонаблюденій,—и только. Но я пойду дальше и спрошу: есть ли необходимая связь между психическими переживаніями и нашими внѣшними движеніями по ихъ поводу? Никакой! Это едва-ли нужно доказывать: кто же не знаетъ, что одни и тѣ же переживанія разными людьми выражаются совершенно различными движеніями и перѣдко движеніями совершенно разнаго рода. Если кто послѣдуетъ совѣту нашего философа и будетъ судить по аналогіи, то придетъ не разъ къ самымъ обманчивымъ заключеніямъ. Наконецъ, есть психическія со-

стоянія, которыя, хотя и носятъ одно имя, но переживаются чрезвычайно различно, напр., любовь. А есть и такія состоянія, которыя свойственны далеко не всѣмъ, напр., ревность. Если авторъ неспособенъ къ ревности, то онъ и не можетъ получить ни малѣйшаго понятія объ этомъ психическомъ состояніи при помощи своей методы наблюденія; точно такъ же не можетъ онъ получить понятія и о тѣхъ видахъ любви, которые ему не свойственны. Что же даетъ намъ новаго открытый авторомъ способъ наблюденія чужой психики?—Рѣшительно ничего. Чтобы сказать, что и другіе люди (не всѣ, конечно, а нѣкоторые) испытываютъ тѣ же психическія переживанія, какія испытываетъ мы, для этого нѣтъ ни малѣйшей надобности подсматривать за ихъ тѣлодвиженіями. Однѣ и тѣ же причины при однихъ и тѣхъ же условіяхъ всегда вызываютъ одни и тѣ же послѣдствія. Это всѣмъ извѣстно. Если есть человѣкъ одинаковой психики съ наблюдателемъ, если онъ находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и сей послѣдній, то онъ будетъ испытывать тѣ же психическія переживанія, какія испытываетъ наблюдатель, но можетъ ихъ выразить совершенно другими внѣшними движеніями.

Итакъ, я былъ совершенно правъ, утверждая, что у нашего философа наблюденіе чужой психики сводится къ самонаблюденію, и только.

Пойдемъ далѣе, къ разъясненію вопроса о томъ, что такое соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается во „Введеніи“, гдѣ напечатано: „Во всякомъ случаѣ несомнѣнно правильно то, что необходимымъ условіемъ для познанія чужихъ психическихъ переживаній является интроспективное познаніе переживаній того же рода у самого изслѣдователя въ сочетаніи съ познаніями относительно внѣшнихъ проявленій этого рода переживаній“. Это повтореніе того же, о чемъ я только что сказала; авторъ постоянно повторяется. А вотъ и заключеніе его: „Поэтому соотвѣтственные научные приемы познанія мы можемъ назвать соединеннымъ методомъ внутренняго и внѣшняго наблюденія“. (16). Вотъ что такое соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія: это наблюденіе за внѣшними движеніями

другихъ людей, свидѣтельствующими о такихъ же психическихъ переживаніяхъ, какія испытываетъ и самъ наблюдающій. Относится это къ праву? „Изложенное о соединенномъ методѣ“,—продолжаетъ авторъ,—„вполнѣ примѣнимо и должно быть примѣняемо и въ области изученія правовыхъ явленій“.

Я присоединяюсь къ его мнѣнію, но считаю необходимымъ выяснить способы и результаты такого примѣненія. О правовомъ сознаніи другихъ людей мы, конечно, можемъ судить не по ихъ движеніямъ, а по ихъ словамъ. А о словахъ, выражающихъ психическія переживанія другихъ людей, авторъ говоритъ: „Съ чужихъ словъ, безъ соотвѣтственнаго самопознанія, безъ интроспективнаго познанія, не можетъ быть достигнуто ознакомленіе съ психическими процессами разныхъ родовъ и видовъ“. (Теор. 71 прим.). Что же мы узнаемъ, въ примѣненіи къ праву, способомъ внутренняго и внѣшняго наблюденія? И тутъ ничего новаго: этотъ способъ удостовѣряетъ только случаи согласія нашего представленія о правѣ съ таковымъ же представленіемъ другихъ людей. Можемъ мы такимъ способомъ изучать положительное право? Да, но только въ томъ случаѣ, если та или другая норма положительнаго права принята сознаніемъ наблюдателя и наблюдающаго. Все то, что въ ихъ сознаніе не вошло и имъ отвергается,—внѣ нашего познанія. Итакъ, соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія не есть способъ изученія положительнаго права: оно остается недоступнымъ автору. Вотъ почему, встрѣтивъ въ теоріи ссылку на соединенный методъ при изученіи письменныхъ памятниковъ права, я и сказалъ, что это плохо вяжется съ тѣмъ, что говорится о методѣ во „Введеніи“. Вѣдь въ письменный памятникъ норма права могла быть занесена по приказу власти, сознаніе писавшаго и читающаго памятника можетъ быть совершенно чуждо этой нормѣ. Я былъ совершенно правъ, высказавъ предположеніе, что, когда авторъ писалъ „Введеніе“, мысли его еще не ясно представлялась связь „Введенія“ съ „Теоріей“, въ которой рѣчь идетъ о положительномъ правѣ.

Авторъ постоянно повторяется. Въ моемъ разборѣ я не находилъ нужнымъ приводить всѣ мѣста его труда, въ которыхъ



повторяется уже сказанное. Но теперь, когда возникъ споръ о томъ, что у него сказано и правильно-ли передана въ моемъ разборѣ его мысль или нѣтъ, я считаю необходимымъ привести еще одно мѣсто, гдѣ говорится о существованіи только единственнаго приѣма изслѣдованія правовыхъ явленій—самонаблюденія: „Предыдущія замѣчанія“,—говоритъ г. Петражицкій,—„содержать полное перечисленіе научныхъ методовъ изученія правовыхъ явленій, какъ таковыхъ, какъ реальныхъ феноменовъ: *кромя методовъ научнаго изученія, кромя интроспективного метода*, какъ основного и абсолютно необходимаго для познанія природы правовыхъ явленій, и соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія, въ качествѣ добавленія и средства выхода за предѣлы личной правовой психики изслѣдователя, по самой природѣ правовыхъ явленій, какъ психическихъ процессовъ особаго рода, *нѣтъ и быть не можетъ*“. (Стр. 17).

Это—послѣднія слова параграфа о научной методѣ изученія правовыхъ явленій, но такими же словами онъ и начинается. Параграфъ о научной методѣ отличается полнымъ единствомъ мысли, что у нашего философа встрѣчается не часто. Какая же научная метода г. Петражицкаго? Одна—самонаблюденіе.

Но, какъ я уже указалъ, самъ авторъ, возражая мнѣ, говоритъ, что „въ томъ же самомъ параграфѣ подробно изложены и развиты прямо противоположныя положенія“. Что же это такое? Неужели авторъ не ошибается, утверждая, что онъ въ одно и то же время и объ одномъ и томъ же вопросѣ утверждаетъ и да, и нѣтъ? Онъ ошибается. У него много противорѣчій, но такого нѣтъ. Въ этомъ параграфѣ онъ говоритъ о соединенной методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія. Я съ намѣреніемъ остановился на этомъ разѣ на разъясненіи, что такое соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія. Изъ этого разъясненія видно, что эта метода рѣшительно не дастъ ничего новаго противъ того, что дано самонаблюденіемъ. Она удостоверяетъ только въ томъ, что открытое авторомъ въ себѣ самомъ психическое переживаніе испытывается и другими людьми. Я прихожу на помощь къ автору: указаннаго имъ

противорѣчія у него нѣтъ, у него одна метода, та самая, которую онъ называетъ абсурдомъ.

Но у него тутъ другое противорѣчїе, которое я ему сейчасъ укажу. Въ только что приведенныхъ словахъ, онъ выражаетъ мысль, что соединенная метода даетъ средства—выхода за предѣлы личной правовой психики изслѣдователя. Такого средства эта метода не даетъ. Какъ показываешь сдѣланный мною разборъ, соединенная метода не даетъ ни малѣйшей возможности заглянуть въ чужую душу, авторъ остается при самонаблюденіи, сужденіе же по аналогіи можетъ только запутать его. Невольно возникаетъ предположеніе: авторъ какъ будто бы не совсѣмъ хорошо понимаетъ, что у него напечатано.

Кромѣ разобранныхъ возраженій, которыя всѣ сводятся къ тому, что я приписалъ автору мнѣнія, которыхъ онъ не высказывалъ, въ этомъ первомъ отдѣлѣ критики есть замѣчаніе и другого рода. Оно относится къ высказанному мною сужденію о сути эксперимента. Г. Петражицкій не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ и въ мое поученіе говоритъ: „Если бы критикъ потрудился заглянуть въ какое либо солидное руководство логики, напр., Милля или т. п., онъ бы узналъ, что суть эксперимента именно въ умышленномъ и произвольномъ введеніи новыхъ „условіи“, напр., какого либо вещества внутрь организма, навоза въ почву и т. п.“ (162). Очень благодаренъ за поученіе, но у меня именно сказано то, что и по его мнѣнію надо было сказать. „Экспериментъ“,—говорю я,—„состоитъ въ наблюденіи явленія при условіяхъ, установляемыхъ наблюдателемъ, при чемъ онъ можетъ нѣкоторыя естественныя условія устранить, а ему желательныя привнести“. Радуюсь, что я пользовался одинаковыми пособіями съ нашимъ философомъ, и не ставлю ему въ большую вину, что онъ такъ невнимательно читалъ мой разборъ: онъ не очень внимателенъ и къ содержанію собственныхъ своихъ философскихъ трудовъ; мнѣ приходится разъяснять ему смыслъ его собственныхъ словъ и спасать его отъ приписываемыхъ имъ самому себѣ противорѣчій.

II.

Во второмъ отдѣлѣ своей критики г. Петражицкій переходитъ къ эмоциональной психологіи. Приемы его и здѣсь тѣ же, что и въ первомъ отдѣлѣ: онъ утверждаетъ, что я приписываю ему то, чего онъ никогда не говорилъ. Мой отвѣтъ и здѣсь будетъ состоять изъ приведенія мѣстъ, изъ которыхъ читатель увидитъ, что онъ говоритъ въ своемъ трудѣ именно то, что теперь отрицаетъ.

Вотъ чѣмъ онъ недоволенъ въ моемъ изложеніи его мнѣній. „Критикъ“, — говоритъ онъ, — „изображаетъ дѣло такъ, будто я подъ эмоціями разумѣю какія-то претерпѣванія, вызывающія определенныя дѣйствія, поступки (тѣлодвиженія и т. д.), и эти претерпѣванія вмѣстѣ съ вызываемыми ими определенными дѣйствіями называю эмоціями, двухсторонними, пассивно-активными психическими переживаніями“ (165). Этотъ упрекъ повторяется нѣсколько разъ. По мѣрѣ того, какъ авторъ переходитъ къ новымъ вопросамъ, возбужденнымъ моимъ разборомъ его труда, онъ все болѣе и болѣе раздражается и становится рѣзче въ выраженіяхъ. Упрекнувъ меня, на стр. 169, еще разъ за то, что я, въ противность его мнѣнію, говорю, что „эмоціи имѣютъ двусторонній, пассивно-активный характеръ въ томъ смыслѣ, что онѣ состоятъ изъ претерпѣваній и тѣлодвиженій“, онъ продолжаетъ: „Это понятіе представляетъ такую нелѣпость не только съ психологической точки зрѣнія (неумѣніе отличать психическія явленія отъ тѣлодвиженій), но и съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла, что“ и т. д. Смѣю увѣрить г. Петражицкаго, что я никакой нелѣпости не приписалъ ему отъ себя, я говорю вездѣ его словами. Вотъ доказательства.

Вопросъ о томъ, что такое эмоціи, — самый существенный для эмоциональной психологіи, а потому я и попробую еще разъ выяснитъ существо ихъ на основаніи собственныхъ словъ автора.

„Всѣ тѣ внутреннія переживанія“, — говоритъ онъ, — „которыя, подобно голоду, жаждѣ и т. д., имѣютъ двойственную пас-

сивно-активную природу, слѣдуетъ, для цѣлей построения научной психологіи, объединить въ одинъ основной классъ психическихъ феноменовъ, противопоставляя ихъ доселѣ извѣстнымъ и признаннымъ въ психологіи элементамъ психической жизни, какъ одностороннимъ, имѣющимъ односторонне-пассивную (познаніе и чувства) или односторонне-активную природу (воля). Для удобства изложенія желательно имѣть для этого класса особое краткое имя. Въ качествѣ такого можно предложить слово эмоція или импульсія“ (264).

Итакъ, эмоція — это цѣльный психическій феноменъ двусторонней природы, одна сторона — пассивная, другая — активная. Это новый феноменъ, открытый нашимъ философъ; доселѣ въ психологіи были извѣстны только односторонніе элементы психической жизни.

„Теперьшняя психологія“, — продолжаетъ авторъ, — „конструируетъ психическую жизнь, въ частности психическія силы, вызывающія тѣлодвиженія, дѣйствія, съ помощью извѣстныхъ ей элементовъ, имѣющихъ односторонній характеръ, не зная о существованіи и дѣйствиі эмоцій, какъ особыхъ двустороннихъ претерпѣвательно-моторныхъ психическихъ элементовъ; но . . . . тутъ дѣло идетъ о произвольныхъ и не соответствующихъ дѣйствительности констракціяхъ, имѣющихъ характеръ составленія „счета безъ хозяина“. Надлежащее, съ научно-методологической точки зрѣнія, индуктивное изслѣдованіе подлежащихъ явленій показываетъ, что „хозяиномъ“, факторами, рѣшающими и управляющими *въ области тѣлодвиженій* и вообще осуществленія указанной выше біологической функціи психики, являются не тѣ элементы, о которыхъ думаетъ традиціонное психологическое ученіе, а *эмоціи*. Что же касается элементовъ познанія, чувства и воли, то они играютъ лишь роль добавочныхъ, подчиненныхъ и вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, служащихъ эмоціямъ въ качествѣ средства болѣе совершеннаго эмоціоанальнаго приспособленія“ (268).

Итакъ, хозяиномъ, рѣшающимъ наши тѣлодвиженія и управляющимъ ими, являются эмоціи; элементы познанія, чувства и воли суть подчиненные имъ психическіе процессы,

они служатъ эмоціямъ. Согласно съ этимъ авторъ и называетъ свои двустороннія эмоціи претерпѣвательно-моторными психическими элементами, т. е. двусторонность эмоцій выражается, съ одной стороны, въ претерпѣваніи, а съ другой— въ вызываемомъ имъ дѣйствіи (motor—двигатель).

Немного дальше читаемъ: „Что касается эмоцій, то важно, чтобы онѣ дѣйствовали съ надлежащею энергіею, посылали кровь туда, куда нужно, оживляли тѣ органы, железы, мускулы и т. д., которые нужны для успѣха акціи и т. д.“ (270). Итакъ, эмоціи распоряжаются не только внѣшними дѣйствіями человѣка, но даже кровь посылаютъ, куда нужно.

Такая же точка зрѣнія на эмоціи проводится и въ другихъ трудахъ автора. Въ „Теоріи“ читаемъ: „Импульси или эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ приспособленія къ условіямъ жизни; прочіе, односторонніе элементы психической жизни играютъ при этомъ вспомогательную, подчиненную и служебную роль. Въ частности, именно эмоціи исполняютъ функціи побужденій къ внѣшнимъ тѣлодвиженіямъ и инымъ дѣйствіямъ (напр., къ умственной работѣ и инымъ такъ называемымъ внутреннимъ дѣйствіямъ), вызывая непосредственно соотвѣтственные фізіологическіе и психическіе процессы (импульсивныя или эмоціональныя дѣйствія) или соотвѣтственную волю (волевые дѣйствія)“.

Первая сторона двусторонней эмоціи проявляется въ претерпѣваніи, вторая—въ движеніи (movege, motor), отсюда эмоціи носятъ у автора наименованіе претерпѣвательно-моторныхъ психическихъ явленій. Претерпѣваніе, побуждая къ движенію, непосредственно вызываетъ всѣ фізіологическіе и психическіе процессы. Такихъ эмоцій легіоны. Въ этомъ вся жизнь. Авторъ рекомендуетъ наблюдать жизненныя явленія съ точки зрѣнія двустороннихъ эмоцій, претерпѣванія-движенія, или, какъ онъ многократно выражается,—*pati-movege*. Вторая сторона эмоціи носитъ у него еще наименованіе акціи, т. е. дѣйствія. Дѣйствіе эмоціи хорошо описано во „Введеніи“. Приведу это описаніе для полноты картины. возбу-

дивъ вопросъ о причинахъ пробужденія отъ сна, авторъ продолжаетъ: „Если обратиться къ фактическому, экспериментальному диагнозу, то не трудно открыть здѣсь наличность особой, специфической эмоціи, которую можно назвать будительно-вставательной и акція которой состоитъ во множествѣ измѣненій въ организмѣ, составляющихъ въ совокупности аккомодацию къ бодрствующей, въ отличіе отъ сонной, жизни; въ томъ числѣ въ сокращеніи мускуловъ, открывающихъ глаза, поднимающихъ голову, поворачивающихъ голову и глаза направо и налѣво (для ориентировки и предохраненія отъ возможныхъ, точнѣе, когда-то, въ жизни предковъ, бывшихъ возможными опасностей), затѣмъ въ иннервации системы мускуловъ, дѣйствующихъ при вставаніи“ (273).

Этотъ примѣръ вполне подтверждаетъ все сказанное выше о существѣ эмоціи. Эмоція названа будительно-вставательной; она будитъ и заставляетъ вставать, т. е. она непосредственно побуждаетъ совершать необходимыя для этого тѣлесныя дѣйствія; благодаря этой эмоціи глаза открываются, голова поднимается и поворачивается, куда нужно, и т. д.

Можетъ ли быть, послѣ всего сказаннаго самимъ авторомъ, какой либо споръ о томъ, что такое его эмоціи? Думаю, — никакого. Вновь открытые нашимъ философомъ психическіе двусторонніе феномены имѣютъ величайшее значеніе. Они „хозяева“ всѣхъ нашихъ тѣлесныхъ и душевныхъ движеній, они непосредственно вызываютъ всѣ соотвѣтственные фізіологическіе и психическіе процессы. Наши разумніе, чувства и воля у нихъ въ подчиненіи. Въ этомъ суть его эмоціональной психологіи, которую много лѣтъ обдумывалъ нашъ авторъ и, наконецъ, напечатать.

Но почему же, прочитавъ въ моемъ разборѣ его „Введенія въ изученіе права и нравственности“ краткое изложеніе этого ученія, онъ въ своей критикѣ, теперь мною разбираемой, не только отказывается отъ него, но и называетъ недѣльностью, противною здравому смыслу? Это — непостижимая для меня тайна. Неужели авторъ могъ забыть, что онъ самъ написалъ? А если онъ не забылъ, а прямо отвергаетъ, что

онъ самъ написалъ, то что же остается отъ эмоціонной психологіи? Ровно ничего.

Но пойдемъ далѣе.

Акціи эмоцій авторъ раздѣляетъ на два вида. Однѣ онъ называетъ спеціальными, другія—бланкетными. Особенность первыхъ въ томъ, что онѣ предопредѣлены эмоціями; таковы, напр., голодь-аппетитъ. Авторъ, въ поясненіе своей мысли, говоритъ: „Предопредѣленіе не имѣетъ характера абсолютной предопредѣленности и единообразія, напр., тѣлодвиженія ѣды, какъ элемента акціи голода-аппетита, не повторяются всегда въ абсолютно-однообразной формѣ, а примѣняются къ свойствамъ съѣдаемыхъ объектовъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „Къ эмоціямъ приурочены опредѣленные, хотя бы по общему характеру и направленію, акціи“ (Теор. 9). Итакъ, акція эмоціи голода-аппетита всегда одна—ѣда; по предмету ѣды, время, количество, тѣлодвиженія и самый способъ ѣды могутъ быть разные. Иной характеръ акцій бланкетныхъ. Онѣ „не только не предопредѣляютъ частностей, но даже и общаго характера и направленія акцій, и могутъ служить побужденіемъ къ любому поведенію“ (Теорія 10). Къ бланкетнымъ эмоціямъ авторъ относитъ всѣ эмоціи нравственныхъ и правовыхъ переживаній. По поводу такого дѣленія акцій, я замѣтилъ въ моемъ разборѣ, что призваніе бланкетныхъ эмоцій разрушаетъ всю эмоціональную психологію. Суть этой психологіи въ открытіи новаго психическаго феномена, двусторонней эмоціи, въ которой акція вызывается претерпѣваніемъ, по принципу *ratio-movere*. Приведенный авторомъ примѣръ эмоціи голода-аппетита это хорошо объясняетъ. Акція этой эмоціи—ѣда, вызываемая аппетитомъ, но „тѣлодвиженія ѣды“ не повторяются въ абсолютно единообразной формѣ. Совсѣмъ иначе съ эмоціями нравственными и правовыми, онѣ вызываютъ не одно опредѣленное, а какое угодно поведеніе. Тутъ нѣтъ двусторонности; слѣдовательно, къ области нравственности и права не примѣнима его эмоціональная психологія. Это, кажется, совершенно ясно.

Чѣмъ же авторъ доказываетъ невѣрность моего заключенія? Онъ только повторяетъ уже сказанное въ книгѣ о

различіи двухъ категорій эмоцій, но въ измѣненномъ видѣ. Приведу существенныя измѣненія. „Акціи челоѣческихъ спеціальныхъ эмоцій“,—говоритъ онъ,—„отличаются вообще большею свободою и измѣнчивостью, чѣмъ акціи спеціальныхъ эмоцій другихъ высшихъ животныхъ.... Нѣкоторыя спеціальныя челоѣческія эмоціи имѣютъ настолько свободный и измѣнчивый характеръ, что ихъ предопредѣленность состоитъ лишь въ предопредѣленности общаго направленія поведенія. Такъ, напр., важными элементами челоѣческой эмоціональной психологіи являются эмоціи, акціи которыхъ состоятъ вообще въ добромъ, благожелательномъ отношеніи къ другимъ, при чемъ это отношеніе можетъ выражаться въ различнѣйшихъ конкретныхъ формахъ“. Къ такимъ эмоціямъ авторъ относитъ любовь вообще и любовь въ евангельскомъ смыслѣ. „Точно такъ же“,—продолжаетъ онъ,—„весьма свободны и измѣнчивы акціи эмоцій честолюбія и тщеславія и нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ челоѣческихъ эмоцій“ (173). Послѣ замѣчаній, посвященныхъ спеціальнымъ эмоціямъ, авторъ переходитъ къ бланкетнымъ, и безъ существенныхъ перемѣнъ повторяетъ сказанное въ книгѣ. Вотъ и все. Это повтореніе ничѣмъ не опровергаетъ моего возраженія<sup>1)</sup>. Но въ немъ есть чрезвычайно характерная черта. Нравственныя эмоціи въ книгѣ отнесены къ бланкетнымъ, а здѣсь: любовь, тщеславіе, честолюбіе, т. е. тѣ же бланкетныя эмоціи, играютъ роль въ числѣ спеціальныхъ. Что же это такое? Это отказъ отъ прежде сказаннаго, или авторъ забылъ прежде сказанное? Любопытно, что онъ только повторяетъ здѣсь ошибку, уже сдѣланную имъ еще въ 1907 году на стр. 8 и 9 „Теоріи“. Такими средствами, конечно, нельзя доказать, что указаннаго мною противорѣчія нѣтъ. Ими доказывается еще разъ только то, что авторъ не очень хорошо знаетъ, что, гдѣ и какъ онъ говоритъ, а потому и впадаетъ все въ новыя противорѣчія самому себѣ.

<sup>1)</sup> Я предполагаю, что читателю извѣстенъ мой первый разборъ эмоціональной психологіи г. Петражицкаго, напечатанный въ февральской книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1909 г., а потому и не повторяю тамъ сказаннаго.



Раздѣливъ эмоціи на спеціальныя и бланкетныя, авторъ высказываетъ мнѣніе, что спеціальныхъ эмоцій имѣются цѣлыя легіоны. Я усомнился въ такомъ ихъ множествѣ, и для этого сомнѣнія были основанія: всѣ нравственныя и правовыя эмоціи суть бланкетныя, на долю спеціальныхъ остается одна животная жизнь человѣка, а эта жизнь, въ главныхъ своихъ чертахъ, сводится къ пищѣ, питью, половымъ отношеніямъ и сну, къ тѣмъ четыремъ эмоціямъ, о которыхъ говоритъ и авторъ. Мое сомнѣніе, однако, очень ему не понравилось; онъ увидаль въ немъ „сообщеніе, весьма дискредитирующее все его ученіе“ (175), и въ доказательство противнаго сталъ дополнять приведенныя мною четыре эмоціи новыми. Конечно, выраженіе „легіоны спеціальныхъ эмоцій“ не научное, а гиперболическое. Доказать наличность легіоновъ эмоцій нельзя, и лучше автору было бы согласиться, что это преувеличеніе,—и спору конецъ. Но онъ старается доказать справедливость своего утвержденія,—и чѣмъ же? Онъ приводитъ въ свою пользу новый рядъ спеціальныхъ эмоцій и между ними: „эмоціи любопытства, страха, стыда, честолюбія, тщеславія“; далѣе: „карикативныя эмоціи (благожелательныя эмоціи, лежація въ основаніи симпатіи, дружбы, любви, милосердія, состраданія и проч.), одіозныя эмоціи (зложелательныя, обнимающія злость, гнѣвъ, ярость, жажду мщенія, зависти и т. п.)“ (176). Но все это эмоціи бланкетныя, а не спеціальныя; это повтореніе только что указаннаго самопротиворѣчія. Полемика вещь неблагоприятная и вообще трудная, но особенно трудно вести полемику съ ученымъ, который самъ не знаетъ, что и какъ онъ доказываетъ!

Всѣ бланкетныя эмоціи не имѣютъ мѣста въ эмоціоальной психологіи, ихъ акціи совершенно свободны и не стоятъ ни въ какой зависимости отъ ихъ претерпѣваній; но и съ спеціальными эмоціями дѣло у нашего философа обстоитъ не лучше. Онъ утверждаетъ, что онѣ только въ исключительныхъ случаяхъ доступны внутреннему наблюденію, въ большинствѣ же онѣ незримы, а потому и рекомендуетъ особый способъ ихъ распознаванія. Рассмотрѣвъ въ моемъ разборѣ этотъ особый способъ ихъ распознаванія, я пришелъ къ заключенію, что онъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ, и „легіоны эмоцій“

остаются для насъ нераспознаваемыми. Этотъ выводъ чрезвычайно раздражилъ автора; онъ приписалъ его тому, что я въ доказательство моего заключенія дѣлаю неправильныя сообщенія, привожу не все мѣсто, гдѣ объ этомъ идетъ рѣчь, а только краткія вырѣзки, да еще изъ придаточныхъ предложеній, а не главныхъ, и тѣмъ ввожу въ заблужденіе читателя. Боясь утомить читателя большими выписками, я дѣйствительно сдѣлалъ только вырѣзки, на мой взглядъ, совершенно достаточныя, чтобы понять мысль автора. Теперь, къ его удовольствію, я выпишу это мѣсто цѣликомъ; это будетъ полезно и въ томъ отношеніи, что познакомитъ читателя и съ самымъ способомъ изложенія нашимъ философомъ своихъ мыслей.

„По мѣрѣ достиженія“,—говоритъ онъ,—„съ помощью указанныхъ методическихъ средствъ, открытія и возможно болѣе обстоятельнаго познанія эмоцій и ихъ акцій (соотвѣтственныхъ спеціальныхъ и общихъ законовъ), наука будетъ приобрѣтать цѣнныя орудія для дальнѣйшихъ изслѣдованій и открытій, состоящихъ въ нахожденіи и научномъ доказательствѣ существованія и дѣйствія опредѣленныхъ эмоцій тамъ, гдѣ непримѣнимъ интроспективный методъ. Такъ, зная акцію опредѣленной эмоціи и констатировавъ въ изслѣдуемой области наличность сочетанія такихъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ акцію этой эмоціи, мы, и не будучи въ состояніи наблюдать самой эмоціи, такъ сказать, не видя ея, имѣемъ почву для заключенія, что она имѣется на лицо. Такія умозаключенія тѣмъ вѣроятнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ основательнѣе и обстоятельнѣе извѣстна акція данной эмоціи *in abstracto* и чѣмъ болѣе соотвѣтственныхъ явленій и симптомовъ констатировано *in concreto*. Этимъ путемъ, напр., притомъ единственно этимъ путемъ, мы можемъ достигнуть эмоціоно-психологическаго діагноза и объясненія нашихъ же собственныхъ отдѣльныхъ движеній и ихъ системъ, поскольку лежація въ ихъ основѣ эмоціи не столь сильны, чтобы поддаваться интроспективному наблюденію и различенію. Такъ какъ приводяція насъ въ движеніе эмоціи, какъ уже указано выше, лишь рѣдко, лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, до-

ступны внутреннему наблюдению, то получается тотъ выводъ, что научный психологическій діагнозъ и причинное объясненіе нашихъ же собственныхъ движеній и дѣйствій, напр., нашего обыденнаго дневнаго поведенія, должно покоиться главнымъ образомъ, почти исключительно, на предварительномъ ознакомленіи (съ помощью метода противодѣйствія и дразненія или т. п.) съ разными видами эмоцій, къ переживанію коихъ мы вообще способны, затѣмъ на дедуктивно индуктивномъ изученіи акцій этихъ эмоцій и, наконецъ, на констатированіи признаковъ соответственныхъ акцій и умозаключеніяхъ о скрытомъ дѣйствіи подлежащихъ эмоцій. Тѣмъ болѣе цѣпенъ и необходимъ приѣмъ нахождения эмоцій съ помощью ихъ акцій для всей той необъятной области научнаго изслѣдованія, познанія и объясненія, которая обнимаетъ все живое, переживающее эмоціи и дѣйствующее, кромѣ одного индивида—нашего собственнаго я. Сюда относятся—другіе люди, дѣти, дикари, психически ненормальные субъекты, всѣ другія породы животныхъ, кромѣ породы *homo sapiens*.

„Вспомогательнымъ средствомъ при открытіи въ своей или чужой психикѣ незримыхъ эмоцій съ помощью зримыхъ акцій является знаніе тѣхъ факторовъ, которые способны вызывать данную эмоцію и которые мы можемъ назвать моторами. Особенно для подлежащихъ экспериментальныхъ изслѣдованій цѣнно знаніе моторовъ. Создавая умышленно моторы извѣстной эмоціи, напр., показывая ребенку, животному или иному объекту эксперимента то, видъ чего, по нашимъ предварительно добытымъ (съ помощью соответственныхъ индукцій) свѣдѣніямъ, способенъ возбуждать интересующую насъ эмоцію, и констатируя затѣмъ наличность того, что намъ извѣстно, какъ акція интересующихъ насъ эмоціональныхъ процессовъ, мы заключаемъ, что и въ настоящемъ случаѣ, такъ сказать, посредникъ между зримымъ моторомъ и зримою акціею, была и дѣйствовала некая незримая эмоція.

„Открытіе и опредѣленіе недоступныхъ наблюдению дѣйствующихъ эмоцій на основаніи доступныхъ наблюдению элементовъ акцій (или на основаніи акцій и моторовъ) можно

пазвать *объективнымъ диагнозомъ*, а соответствующее руководящее методологическое учение—объективную діагностическую эмоцій, въ отличіе отъ субъективнаго діагноза и субъективной діагностики, гдѣ дѣло идетъ о субъективномъ, интроспективномъ открытіи и познаніи эмоцій и соответственныхъ методическихъ приемахъ“ (286—8).

Въ моемъ разборѣ приведеннаго здѣсь новаго способа познанія, объективнаго діагноза, я былъ очень кратокъ. Я пользовался выраженіями автора: „незримыя эмоціи“ и „зримыя акціи“, не входя въ разсмотрѣніе, можно ли дѣлать такое противопоставленіе; я былъ занятъ только тѣмъ, чтобы показать, что всѣ незримыя эмоціи, если онѣ есть, какъ утверждаетъ авторъ, такъ и остаются незримыми, несмотря на его попытку ихъ увидать. Теперь я разберу приведенное мѣсто обстоятельно, какъ это необходимо сдѣлать въ виду написанной г. Петражицкимъ критики.

Въ первомъ абзацѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ распознать существованіе и дѣйствіе эмоцій, въ распознаванію которыхъ непримѣнимъ, по мнѣнію г. Петражицкаго, интроспективный методъ. Итакъ, стало быть, есть эмоціи, не распознаваемые самонаблюденіемъ. Мы уже знаемъ, что ученіе объ эмоціяхъ не примѣняется къ явленіямъ нравственнымъ и правовымъ: тамъ акціи свободны и не соответствуютъ претерпѣванію. Теперь мы узнаемъ совершенно новую мысль: есть эмоціи, недоступныя самонаблюденію, для ихъ распознаванія нужны иные приемы. Много ли такихъ эмоцій? Авторъ говоритъ, что такихъ эмоцій очень много: эмоціи доступны самонаблюденію только въ исключительныхъ случаяхъ, а такіе случаи—рѣдкое исключеніе; всѣ остальные недоступны интроспекціи, а эмоцій, какъ увѣряетъ авторъ, легіоны. Эта новая мысль представляется мнѣ очень странной. Нѣтъ ли тутъ ошибки? Не забылъ ли авторъ, что такое эмоція? Эмоція, какъ утверждаетъ онъ, есть двусторонній психическій феноменъ, представляющій, съ одной стороны, претерпѣваніе, съ другой—акцію. Претерпѣваніе есть ощущеніе, акція есть дѣйствіе. Мои претерпѣванія всегда доступны интроспекціи, мои дѣйствія—тоже. Какъ же авторъ утверждаетъ, что они

недоступны самонаблюдению и нуждаются въ иномъ способѣ распознаванія? Не забылъ ли онъ, что такое его эмоція? Кажется, и это онъ забылъ.—Но пойдемъ далѣе. Онъ противопоставляетъ акцію эмоціи, акція ему извѣстна, а эмоція нѣтъ. Это опять дѣло невозможное: если неизвѣстна эмоція, то неизвѣстны обѣ ея составныя части, а не одна только. Можно противопоставлять акцію претерпѣванію, а не эмоціи; но сказать: акція извѣстна, а претерпѣваніе неизвѣстно, тоже нельзя. И то, и другое всегда извѣстно самонаблюдению. Вотъ почему я утверждаю, что авторъ ставитъ вовсе невозможный съ точки зрѣнія его эмоціональной психологіи вопросъ, свидѣтельствующій лишь о томъ, что онъ не большой хозяинъ въ его собственномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, не существуетъ никакой надобности разузнавать эмоціи по акціи и говорить о наличности сочетанія какихъ-то явленій, совокупность которыхъ составляетъ акцію этой эмоціи. Все это не имѣетъ никакого основанія въ эмоціональной психологіи автора. Претерпѣванія, какъ и акціи, а слѣдовательно, и всѣ эмоціи, всегда доступны самонаблюдению.

Авторъ въ томъ же абзацѣ совѣтуетъ каждому, для объясненія его собственныхъ движеній и дѣйствій, напр., его обыденнаго поведенія, предварительно ознакомиться съ разными видами эмоцій, къ переживанію коихъ онъ способенъ, и затѣмъ изучать акціи этихъ эмоцій, и, наконецъ, констатировать признаки соответственныхъ акцій и на основаніи всего этого умозаключать о скрытомъ дѣйствіи подлежащихъ эмоцій. Сомнѣваюсь, чтобы этотъ совѣтъ, какъ понять свое собственное „дневное“ поведеніе, былъ кому нибудь нуженъ; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что всѣ эти мудренныя соображенія построены на указанной уже путаницѣ понятій, за исключеніемъ одного пункта, на который необходимо обратить вниманіе. Заключение къ эмоціи отъ акціи покоится на основаніи правилъ эмоціональной психологіи: претерпѣваніе вызываетъ всегда опредѣленную акцію, а потому отъ акціи и можно заключать не къ эмоціи, конечно, а къ вызывающему ее претерпѣванію. Прошу читателя обратить на это особое вниманіе. Указанная тѣсная связь претерпѣванія и акціи

есть необходимое логическое слѣдствие открытаго авторомъ двусторонняго психическаго феномена, называемаго эмоціей или импульсіей, и нужна будетъ намъ при обсужденіи его послѣдняго мнѣ возраженія—по поводу четырехъ специальныхъ эмоцій: голода, жажды, половыхъ отношеній и будительно-вставательной. Все выше выписанное разсужденіе основано на непосредственной зависимости акціи отъ эмоціи.

Во второмъ абзацѣ дѣло идетъ о вспомогательномъ средствѣ при открытіи незримыхъ эмоцій съ помощью зримыхъ акцій; этимъ средствомъ является знаніе тѣхъ факторовъ, которые способны вызывать данную эмоцію и которые авторъ находитъ возможнымъ наименовать моторами. Здѣсь я передаю своими словами и коротко то, что выше было напечатано подлинными словами автора; я повторяю тутъ то, что объ этомъ же второмъ абзацѣ было мною сказано раньше въ первомъ разборѣ мнѣній г. Петражицкаго. Эта краткая передача его мнѣнія чрезвычайно возмутила автора. „Фразы „незримыя эмоціи надо наблюдать при помощи зримыхъ акцій“,—восклицаетъ онъ,—„у меня вовсе не имѣется и не можетъ быть въ научномъ грамотно написанномъ сочиненіи“. И далѣе: „точно такъ же нѣтъ въ подлинномъ текстѣ и фразы: но для этого надо знать тѣ факторы, которые способны вызывать данную эмоцію, и добавлю“,—продолжаетъ онъ,—„и не могло быть такой фразы не только по смыслу излагаемаго въ данномъ мѣстѣ методологическаго ученія, но вообще по самому характеру всего сочиненія. Ибо какаѣ же жалкія логика автора, который, установивъ тезисъ, что о наличности эмоціи можно заключить по наличности специфической акціи данной эмоціи или даже что „при помощи акцій“ можно „наблюдать“ подлежащую эмоцію, затѣмъ, въ видѣ какого-то *deus ex machina*, вводилъ бы нѣчто другое, факторы, вызывающіе эмоціи, и тутъ же уничтожалъ предыдущій тезисъ“ (181—2).

Предоставляю читателю, интересующемуся процвѣтаніемъ наукъ въ Россіи, сравнить мое краткое изложеніе съ подлиннымъ текстомъ нашего философа и сказать, составляютъ ли мои слова фальсификацію его подлиннаго изложенія: „Вспомогательнымъ средствомъ при открытіи незримыхъ эмоцій съ помощью

зримыхъ акцій является знаніе тѣхъ факторовъ“ и т. д., какъ говоритъ онъ самъ и какъ я напечаталъ выше.

Но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ томъ, что даетъ это новое средство (факторы, способные вызывать эмоцію), которое дѣйствительно предложено авторомъ, хотя теперь онъ и не находитъ въ этомъ никакой логики. Чтобы выяснитъ это, я разовью нѣсколько подробнѣе значеніе новаго „мотора“, вводимаго въ эмоціональную психологію, но прежде замѣчу, что это названіе не очень удачно: моторами у него называются самыя акціи, а теперь то же названіе усвоится и новымъ факторамъ, о которыхъ прежде и рѣчи не было. Едва ли это удобно: эмоціи снаряжаются двумя совершенно разными моторами, одинъ поставленъ впереди, другой сзади, на нихъ, пожалуй, далеко не уѣдешь.

Авторъ предлагаетъ намъ показать объекту эксперимента предметъ, который, по предварительно добытымъ нами свѣдѣніямъ, способенъ возбудитъ интересующую насъ эмоцію. Авторъ полагаетъ, что послѣдуетъ извѣстная намъ акція и въ изслѣдуемомъ имъ случаѣ и откроетъ наличность незримой эмоціи. Объекту эксперимента можно показать разныя вещи, вызывающія эмоціи: можно показать ему кулакъ, а можно показать и двугривенный; предварительно добытыя свѣдѣнія, допустимъ, свидѣтельствуютъ, что лица, которымъ показывали кулакъ и двугривенный, бросались на колѣни и униженно тянулись цѣловать и кулакъ, и руку съ двугривеннымъ. А въ данномъ случаѣ, увидавшій кулакъ противопоставилъ ему свой, а увидавшій двугривенный такъ ударилъ по рукѣ, что двугривенный отлетѣлъ далеко въ сторону. Получилась совершенно новая эмоція, изслѣдователю неизвѣстная. Къ чему же повели всѣ предварительно добытыя свѣдѣнія? Рѣшительно не къ тому, чего ожидалъ нашъ философъ. Онъ думалъ, что получится эмоція, которую онъ наблюдалъ въ этихъ случаяхъ прежде, а получилась совсѣмъ другая. Почему онъ ожидалъ прежней эмоціи? Потому что, по эмоціональной психологіи, эмоція двусторонній феноменъ, при наличности котораго извѣстное претерпѣваніе всегда вызываетъ ту же самую извѣстную уже намъ по прежнимъ опы-

тамъ акцію. Такъ по эмоціональной психологіи, но не такъ въ дѣйствительности: открытыхъ авторомъ двустороннихъ психическихъ феноменовъ въ дѣйствительности не существуетъ, что я доказывалъ въ моемъ первомъ разборѣ и доказываю теперь.

Вотъ послѣдствія новаго мотора. Да и что это за новые моторы или факторы, которые способны вызывать искомую эмоцію? Къ сожалѣнію, авторъ этого не объясняетъ. Онъ даетъ этимъ факторамъ названіе, это моторы, двигатели, но, — что за моторы, объ этомъ ни слова.

Какими моторами вызывается, напримѣръ, эмоція жажды? Очень разными: движеніемъ при жаркой температурѣ воздуха, болѣзненнымъ разстройствомъ организма, можно вызвать жажду и искусственно, покушавъ селедки, и пр. и пр. Такъ же и другія намъ извѣстныя физическія эмоціи: аппетита, половыхъ сношеній и будительно-вставательная. Такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ разными моторами, для выясненія которыхъ иногда бываетъ нужно обращаться даже къ медику. Такъ какъ факторы бываютъ разные, то отъ одного случая нельзя дѣлать заключенія къ другому, что авторъ совѣтуетъ: эти другіе случаи могли быть вызваны другими моторами.

Итакъ, весь разговоръ о незримыхъ эмоціяхъ есть результатъ недоразумѣнія: эмоціи съ обѣихъ своихъ сторонъ — всегда зрими для самонаблюденія; постановка вопроса, слѣдовательно, не вызывается эмоціональной психологіей, а потому не было надобности и въ мудреномъ разрѣшеніи этого вопроса.

Послѣдній абзацъ весь посвященъ установленію названія новаго приема изученія совершенно несуществующаго явленія. Онъ долженъ называться „объективнымъ діагнозомъ“, а соответствующее ученіе — „объективною діагностикою“. Авторъ правъ, говоря, что я не упомянулъ о его объективномъ діагнозѣ. Но упрекать меня за это не было основанія: къ такому діагнозу нѣтъ, во-первыхъ, повода, а во-вторыхъ, въ этомъ діагнозѣ ничего нѣтъ, кромѣ очень мудренаго языка и выраженій, совершенно несоответствующихъ идеямъ его эмоціональной психологіи. Упрекая меня за цитированіе



только отрывочныхъ выраженій изъ его текста, да еще изъ придаточныхъ предложеній, а не главныхъ, авторъ, повидимому, думалъ, что я боялся его полного текста и выбиралъ только то, что для него невыгодно. Большая ошибка: весь его текстъ за меня; чѣмъ полнѣе выписки, тѣмъ больше и матеріала для возраженій.

Перехожу къ послѣднему упреку, сдѣланному мнѣ моимъ критикомъ. Онъ относится къ четыремъ эмоціямъ со спеціальной акціей. Въ моемъ разборѣ я утверждаю, что и эти четыре эмоціи не имѣютъ спеціальной акціи, онѣ тоже бланкетныя. Это мое утверженіе, къ великому моему удовольствію, не очень раздражило нашего философа, оно вызвало въ немъ даже веселость. Это комедія!—восклицаетъ онъ <sup>1)</sup>. Что же тутъ смѣшного? Авторъ находитъ, что и здѣсь я ввожу читателя въ заблужденіе, приписывая ему мнѣнія, которыхъ онъ не высказывалъ: онъ думаетъ то же, что и я, такъ насмѣшившій его моими примѣрами. Вотъ это, дѣйствительно, очень забавно, скажу и я, и нуждается въ тщательномъ разсмотрѣніи.

Вотъ что читаемъ въ критикѣ г. Пегражицкаго: „Я не только нигдѣ не утверждаю и не предполагаю косвенно, что голодь-аппетитъ всегда фактически вызываетъ „протягиваніе руки къ пиццѣ“..., но даже, пожалуй, съ излишнею осторожностью и педантизмомъ, выражаю и настойчиво повторяю противоположное. Прежде всего я въ § 6-мъ „Введенія“ устанавливаю и подробно выясняю общія положенія, что законы природы, формулы причинной связи явленій и т. д. слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, будто въ каждомъ конкретномъ случаѣ за такимъ явленіемъ фактически слѣдуетъ такое-то и т. д., а лишь въ смыслѣ тенденцій, стремленій. Смыслъ такихъ формулъ состоитъ въ указаніи того, что бы было, если бы не было разныхъ ослож-

---

<sup>1)</sup> Въ первую минуту я не понялъ, какая можетъ быть связь между комедіей и моими возраженіями, а потому и взглянулъ въ академическій словарь. Подъ словомъ комедія тамъ написано: „смѣшное событіе, я сегодня видѣлъ уморительную комедію“.

нающихся условий... Сообразно съ этимъ и общій законъ причинной связи иногда формулируется такъ, что все же явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или другими опредѣленными явленіями, *если къ тому нѣтъ препятствій*" (188).

Ничего не имѣю противъ того, что авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ по вопросу о причинной связи, но дѣло не въ томъ, что у него говорится въ разныхъ мѣстахъ книги (мы уже знаемъ, что разные мѣста книги у него между собой несогласованы), а единственно въ томъ, что онъ *долженъ* говорить о дѣйствиіи эмоцій, къ которымъ приурочены опредѣленные, хотя бы по общему характеру и направленію, акціи. Рѣшеніе только что разсмотрѣннаго вопроса объ объективномъ діагнозѣ все основано на томъ, что извѣстной эмоціи соотвѣтствуетъ одна извѣстная акція. На этомъ основаніи авторъ и предлагаетъ опредѣлять незримую эмоцію по зримой акціи. Выше я привелъ мѣсто, въ которомъ самъ авторъ говоритъ объ акціи голода-аппетита, въ томъ смыслѣ, что это есть ѣда, тѣлодвиженія же этой акціи могутъ быть различны, но акція всегда—ѣда. Голодная смерть, при добровольномъ отказѣ отъ ѣды, не входитъ, стало быть, въ эту эмоцію. Вотъ это совершенно правильная точка зрѣнія эмоціональной психологіи: акція съ необходимостью вызывается испытываемымъ претерпѣваніемъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ и долженъ говорить о четырехъ специфическихъ эмоціяхъ. Открытыя имъ эмоціи всегда одинъ цѣльный психическій феноменъ: за исключеніемъ бланкетныхъ эмоцій, претерпѣваніе всегда съ необходимостью вызываетъ свою спеціальную акцію. Вотъ я какое ученіе оспариваю, а не законы природы. Съ этою цѣлью я и приводилъ мои примѣры, такъ насмѣшившіе нашего филозофа. Чтобы привести его еще разъ въ радостное настроеніе, я расскажу еще одинъ очень поучительный примѣръ. Въ Индіи существуетъ и до нашихъ дней одна изъ древнѣйшихъ религіозныхъ сектъ, Яйна. Она атеистическая, но не материалистическая. Принципы всѣхъ вещей не матеріальные атомы, а души. Но души связаны съ матеріей, отсюда дѣятельная человѣческая

жизнь (карман) и всё порождаемая ею бѣдствія. Только полное освобожденіе отъ житейской дѣятельности освобождаетъ душу отъ рабства тѣлу; это и есть нирвана. Для достиженія нирваны должны быть уничтожены побужденія къ дѣятельности и побѣждены чувства; необходимо отказаться отъ всѣхъ потребностей. Самый дѣйствительный исходъ изъ этого положенія—добровольная голодная смерть. Образецъ такого исхода далъ основатель секты. Голодная смерть рекомендуется не только аскетамъ, но и всѣмъ приверженцамъ секты. Цѣломудріе также рекомендуется всѣмъ, но съ различіемъ: для аскетовъ цѣломудріе состоитъ въ полномъ отказѣ отъ удовлетворенія половыхъ претерпѣваній, для остальныхъ—въ соблюденіи супружеской вѣрности <sup>1)</sup>. Въ этой сектѣ акція эмоціи голода состоитъ въ полномъ воздержаніи отъ пищи и въ голодной смерти, акція половой эмоціи также въ полномъ воздержаніи; у насъ есть своя секта, у которой половая акція выражается въ ампутаціи нѣкоторыхъ органовъ. Представляю себѣ, какъ посмѣется надъ всѣмъ этимъ философъ эмоціональной психологіи. По его ученію эти факты нелѣпость. У него, кто голоденъ, тотъ кушаетъ, ибо его эмоція—двусторонній феноменъ съ опредѣленной, хотя бы по общему характеру, акціей, а не дѣйствіе совершенно противоположное претерпѣванію, отрицающее претерпѣваніе. Протягиваніе руки къ пищѣ—есть необходимое тѣлодвиженіе этой эмоціи, и невозможно понять, какъ авторъ это отрицаетъ. Неужели онъ до такой степени смущенъ моими возраженіями, что готовъ отказаться отъ необходимыхъ логическихъ выводовъ изъ своего ученія?

Разбираемая теперь мною критика г. Петражицкаго очень осложнила разсматриваемый вопросъ о четырехъ физическихъ эмоціяхъ. Въ моемъ первомъ разборѣ я утверждалъ, что и эти четыре эмоціи—суть бланкетныя и вызываютъ не специальную акцію, а чрезвычайно различное поведеніе. Въ этомъ не было никакой бѣды и ни малѣйшей

<sup>1)</sup> Lehrbuch der Religionsgeschichte. P. D. Chantepie de la Saussaye, проф. богословія въ Амстердамѣ. 1897.

обиды автору: всякій свободенъ думать, что ему угодно. Авторъ и его сторонники съ г. Рейснеромъ во главѣ—могутъ думать, какъ онъ. Но теперь вопросъ осложняется, теперь надо спросить: что же думаетъ самъ г. Петражицкій объ этихъ эмоціяхъ? Во „Введеніи“ онъ утверждалъ, что это спеціальныя эмоціи, къ которымъ приурочены опредѣленныя, хотя бы по общему характеру и направленію, акціи. Таково его основное ученіе. Теперь онъ утверждаетъ, что всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ только въ томъ случаѣ, если къ тому нѣтъ препятствій. Это выраженіе онъ беретъ изъ § 6 „Введенія“, въ которомъ рѣчь идетъ о причинной связи явленій, а не объ эмоціяхъ. Теперь онъ примѣняетъ это положеніе и къ эмоціямъ со спеціальной акціей, и выходитъ, что эмоцій со спеціальной акціей нѣтъ, что все онѣ бланкетныя, это именно то, что я утверждалъ, опровергая его ученіе.

Въ чемъ же состоитъ его ученіе въ настоящую минуту? Его ученіемъ настоящей минуты—надо, конечно, считать послѣднее, высказанное въ его критикѣ и состоящее въ томъ, что акція вызывается претерпѣваніемъ не непосредственно, а если къ тому нѣтъ препятствій. Я этимъ очень доволенъ, но можетъ ли быть доволенъ авторъ эмоціональной психологіи, открывшій двусторонніе психическіе феномены, въ которыхъ претерпѣваніе непосредственно вызываетъ соотвѣтственную ему акцію? Этого я, конечно, не знаю; я могу только утверждать, что новое ученіе автора, вызванное моимъ разборомъ его прежняго ученія, имѣетъ весьма важное значеніе. Этимъ новымъ ученіемъ еще разъ отвергается и самимъ авторомъ, а не мною только, сдѣланное имъ научное открытіе хорошо намъ извѣстныхъ двустороннихъ психическихъ феноменовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей эмоціональной психологіи. Въ этой области все остается, стало быть, по старому. Въ первомъ моемъ разборѣ я доказывалъ, что открытія автора—непримѣнимы ни къ изученію нравственности, ни къ изученію права; послѣ его критики и въ этой области все остается по старому и на этотъ разъ уже при благосклонномъ содѣйствіи самого автора, много лѣтъ посвятившаго разработкѣ этого предмета. Его критика моего разбора займетъ

видное мѣсто въ будущей исторіи развитія наукъ въ Россіи: она доказываетъ полную несостоятельность его попытки построить ученіе о правѣ и нравственности на началахъ его эмоциональной психологіи.

Я исчерпалъ всѣ возраженія г. Петражицкаго на мой разборъ его труда; но кромѣ критики моего разбора онъ даетъ еще и критику моей личности. Эти выпады на меня я оставляю безъ вниманія и прохожу ихъ полнымъ молчаніемъ.

---



00045277

ЮФ СПбГУ